

ВАДИМ В. ДЕМЕНТЬЕВ, ред., ПРЯМАЯ И НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ.

Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж» 2003, 354 с.

В лингвистике последних десятилетий все стремительно меняется (как в осмыслении теоретических понятий и терминов, так и в подходах к исследованиям лингвистических явлений). Стало привычным, что энциклопедические словари и терминологические справочники «не успевают» за этими процессами, поэтому достаточно большая часть актуальных лингвистических явлений находит свое определение в авторских работах, отдельных статьях и научных дискуссиях. Такова судьба и понятия «непрямая коммуникация», являющегося объектом рассмотрения научных статей, объединенных в сборник *Прямая и непрямая коммуникация*, вышедший в свет в 2003 г. в Саратове.

Проблемы речевой коммуникации с конца прошлого века получают большое внимание антропоцентрической лингвистики. Новое направление — коммуникативистики — внутри этой парадигмы в российской науке получило особенно активное развитие с созданием в 2002г. Российской Коммуникативной Ассоциации (см. сайт: www.russcomm.ru) на первой международной конференции в Пятигорске «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах».

Коммуникативистика в России активно разрабатывает целый комплекс теоретических вопросов, отраженных в ее метаязыке: коммуникативная грамотность, культура, позиция, коммуникативное сознание, поведение, коммуникативное пространство и др. (см., например, Ларина 2003а; 2003б; Стернин 2001; Шаховский 2003). Среди этих проблем наименее разработанной является проблема не прямой коммуникации в ее жанровом варьировании. Эта проблема получила серьезный стартовый зачин в докторской монографии В.В. Дементьева (2000). Развитие теории не прямой коммуникации представлено в новом труде В.В. Дементьева в виде сборника, в котором солидный коллектив авторов, в том числе и зарубежные: А. Вежбицкая, С. Дённингхаус, Г. Беднарк, М. Кита, Р.Д. Абрахамс. Работы этих известных в сфере коммуникативистики лингвистов значительно усиливают теоретическую и практическую значимость рецензируемого сборника.

По замыслу редакционной коллегии (В.В. Дементьева, Л.В. Балашовой, К.Ф. Седова), работы, вошедшие в эту книгу, представляют разные языковые и речевые явления *в аспекте прямой и непрямой коммуникации*. Однако даже простой перечень названий статей и разделов свидетельствует о том, что основной проблемой, послужившей толчком для объединения сил ведущих лингвистов, занимающихся вопросами изучения речи и функционирующего языка, в данной книге является проблема установления статуса и существенных свойств в первую очередь *непрямой коммуникации*. Непрямая коммуникация в сборнике определяется как «содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственном высказывании, и требует дополнительных интерпретационных усилий со стороны адресата» (с. 13), и такого понимания непрямой коммуникации придерживаются практически все авторы сборника.

Сборник состоит из четырех разделов: *Общие проблемы, Переводы, Виды и жанры непрямой коммуникации, Непрямая коммуникация в фило- и онтогенезе*. В связи с этим нельзя не заметить в целом несколько искусственную рубрикацию сборника в силу довольно большого многообразия (разброса) тем включенных в него статей. Кроме того, в разделе *Переводы* несколько нарушен принцип информирования читателя о географии авторов статей: составители забыли их указать. Раздел *Переводы* в некоторой степени нарушает тематическую рубрикацию сборника (общие проблемы, виды и жанры непрямой коммуникации, непрямая коммуникация в фило- и онтогенезе), т. к. в нем не обозначена тема.

Первый раздел *Общие проблемы* поднимает вопросы статуса понятия «непрямая коммуникация», так стремительно ворвавшегося в лингвистический обиход. Статья В.В. Дементьева *Проблемы непрямой коммуникации*, одновременно являющаяся своеобразным введением, определяет круг вопросов, с которыми соприкасается и к которым имеет отношение исследуемая языковая и речевая область. Поскольку речь идет о теоретических вопросах, связанных с содержательной стороной речи, с проблемами смысла, с особенностями языкового выражения (асимметрией и лакунарностью), с механизмами языковой категоризации и языкового картирования мира, национально-культурной концептуализации действительности и с особенностями интерпретации

дискурса, то становится понятным, что перед нами актуальное лингвистическое явление, требующее совместного обсуждения ученых разных школ и научных направлений. Кроме того, названные языковедческие проблемы имеют общенаучный характер, поскольку выходят на такие общие, философские проблемы, как происхождение и сущность языка, познание мира человеком, преодоление энтропии и упорядочение мира, решаемые разными гуманитарными и естественными дисциплинами.

По замечанию автора статьи, столь широкий охват теоретических вопросов, естественно, определяет положение непрямо́й коммуникации в системе лингвистического знания на сегодняшний день в первую очередь как проблему, а представленный сборник научных статей (первый опыт коллективного обсуждения проблемы непрямо́й коммуникации), возможно, не столько дает ответы на вопросы, сколько поднимает новые вопросы, ждущие своего решения.

Полемическая статья *Дискуссионные моменты теории непрямо́й коммуникации* И.И. Прибыток также затрагивает фундаментальные вопросы лингвистической теории: о первичности / вторичности непрямо́й коммуникации, о соотношении непрямо́й коммуникации и языка, о способах дифференциации прямо́й и непрямо́й коммуникации (с. 17). Принципиальная позиция автора состоит в определении первичности прямо́й коммуникации как в диахроническом, так и в синхроническом планах, в указании на строгую обусловленность непрямо́й коммуникации характером коммуникативной сферы, национальной спецификой речевой культуры, особенностей языковой личности. Как феномен речи, коммуникация (прямо́я и непрямо́я), по мнению автора статьи, не может трактоваться в качестве языкового явления: «в языке нет ни прямо́й, ни непрямо́й коммуникации» (с. 19), таким образом, проблема непрямо́й коммуникации должна обсуждаться в терминах и в парадигме речеведческих дисциплин. В качестве одного из обсуждаемых критериев дифференциации прямо́й и непрямо́й коммуникации в статье И.И. Прибыток рассматривается свойство конвенциональности языкового выражения, которое, однако, не чуждо совершенно непрямо́й коммуникации, так как существует определенная зависимость между коммуникативной интенцией и избираемым типом коммуникации (с. 23).

Теоретические изыскания, касающиеся самих терминов *прямая коммуникация* и *непрямая коммуникация*, характеризуют статью А.П. Кравченко *Что такое коммуникация? (опыт биокогнитивной философии языка)*. Поскольку объектом рассмотрения в рецензируемом сборнике являются разные способы коммуникации, то именно это понятие является тем интегрирующим началом, которое определяет единство исследуемых лингвистических феноменов – прямой и непрямой коммуникации. *Коммуникация* – это также новый компонент в данных терминологических сочетаниях слов по отношению к понятиям прямой и непрямой номинации, которые известны языковедам и представлены в известных энциклопедических и терминологических лингвистических словарях. В статье А.В. Кравченко рассматривается, с одной стороны, соотношение понятий «коммуникация», «информация» и «общение», а с другой стороны, коммуникативная ситуация прямого и непрямого общения с точки зрения их основных компонентов (в частности, адресата, адресанта, сообщения, канала связи). Суть коммуникации, по словам автора, состоит в том, что «ее участники создают консенсуальную область взаимодействий, обеспечивающую возможность существования сообщества организмов как единого целого. Вербальная же коммуникация – это связующий раствор, удерживающий это целое от распада» (с. 37).

А.А. Залевская (*Время перемен в теории лексической семантики*) видит значение и причину актуализации и разработки теории непрямой коммуникации в самой логике развития современной (лингвистической) науки, в которой язык выступает «в качестве действенного инструмента познания и коммуникации для реального (живого!) индивида – активного и пристрастного, не только мыслящего, но и всегда чувствующего и переживающего (с. 121). Очевидная неадекватность классических семантических теорий с позиций такого подхода позволяет утвердиться новому видению традиционных явлений. Теория непрямой коммуникации, как можно предположить, сегодня является тем контекстом, в рамках которого привычное в языковой семантике можно увидеть иначе, проникнуть в суть проблемы, увидеть в ней новые грани. Вместе с непрямой коммуникацией в язык возвращается эмоция, сенсорно-аффективные процессы (которые лежат в основе языка) и человек как целостный организм. Понимание при таком подходе не может отождествляться с процессами перекодирования, а трактуется

как сложная процедура формирования выводного знания (с. 132). Сам язык, как отмечает автор статьи, используя слова Ж. Факонье, составляет «лишь верхушку айсберга невидимых конструкций значения, которые функционируют, когда мы думаем и говорим» (с. 133). Таким образом, ближайшая перспектива лингвистики – это реализация «интегративного подхода к трактовке языка и лексической семантики, который позволит понять и объяснить тайну спонтанного семнозиса» (с. 134).

«Примирить» речевой и языковой подход при исследовании проблем непрямой коммуникации предпринимает попытку Н.В. Орлова в статье *Язык теоретической этики и язык «наивной» морали в аспекте проблемы прямых/ косвенных языковых средств* (см. третий раздел книги). В функционировании не прямых единиц языка обнаруживаются признаки, свойственные явлению речевой системности. Непрямая коммуникация, в свою очередь, может быть описана на основе языковых категорий, формируемой на основе однородности языковых единиц в функционально-смысловом плане: «Чем прочнее связи языковой единицы с однофункциональными, чем больше таких связей, тем меньше сомнений в адекватности интерпретации» (с. 262). Распределяя полученные данные по шкале косвенности языкового выражения, исследователь предполагает, что «ближе к полосу «прямоты» те из них, которые организованы, систематизированы какой-либо грамматической либо функционально-семантической категорией языка». В качестве не прямых средств выражения коллективного сознания «рассматриваются разноуровневые единицы, семантические и формально-грамматические классы единиц, организованные по принципу речевой системности, которая задана общим культурно значимым содержанием» (с. 262).

Иной – *речевой* – подход к изучению не прямой коммуникации предлагается в статье И.Н. Борисовой *Непрямая коммуникация в речевой систематике*. По мнению автора, «косвенность» речи формируется не на этапе интерпретации высказываний (как предполагалось в монографии В.В. Дементьева и представлено во многих статьях данного сборника), а на этапе их порождения.

В частности, это касается планируемой не прямой коммуникации, под которой понимается «отсутствие прямого соответствия коммуникативной функции высказывания его прагматическому

предназначению при возможном в данном контексте прямом способе выражения той же прагмемы» (с.60). Ключевым понятием в статье И.Н. Борисовой является категория речевого поведения, а объектом рассмотрения – речевой материал, доступный методу объективного наблюдения. Непрямая коммуникация как явление речи включается в систему таких понятий, как коммуникативное поведение, речевое и неречевое поведение, интенциональное и языковое поведение. Речевые поступки, способные прямо или опосредованно выражать один прагматический смысл, формируют функционально-прагматическую парадигму. Непрямой речевой поступок при таком подходе определяются как такой речевой поступок, коммуникативный смысл которого не совпадает с прагматическим, но функционально заменяет и адекватно замыслу коммуниканта выражает последний (с. 70).

Таким образом, рассмотренные общетеоретические статьи определяют основные ориентиры, которые помогают системно воспринимать разнообразные проявления прямой и (особенно) непрямой коммуникации и которые одновременно показывают перспективные исследовательские пути современных лингвистических изысканий.

Особый интерес представляют статьи рецензируемого сборника, которые отражают аспекты непрямой коммуникации и дают возможность упорядочения многообразных явлений в рамках предпринимаемого каждым из исследователей подходов. Это и особого рода ментальные образования – архетипические концепты (закодированные устойчивые информационные паттерны, внедряемые в сознание и передаваемые другим людям), «средой бытования» которых является непрямая коммуникация (статья В.И. Карасика *Архетипические концепты в общении*). Это также сенсорно-оценочная двуплановость образа (словесного и художественного), внутренние механизмы иносказательности как способа непрямого воздействия, которые анализируются в с позиций внутреннего устройства образа и его функций (статья В.П. Москвина *О типах и приемах создания речевой образности*). Это проблема изучения подтекста с позиций теории коммуникативных игр, при которой выявление неочевидных смыслов текста можно считать видом социальной деятельности читателя (статья Е.В. Ермаковой *К вопросу о подтексте [взгляд на проблему с позиций прагматики текста]*). Особое звучание в контексте рецензируемого сборника приобретает проблема изучения метаязыкового аспекта

коммуникации, акцентирующего наше внимание на «зонах риска» – участках речевой деятельности, на которых возникает коммуникативно-концептуальное напряжение (статья И.Т. Вепревой *Метаязыковой аспект непрямо́й коммуникации*). Важной частью исследования проблемы непрямого общения и воздействия является, безусловно, изучение способов выражения непристойности, принятых в разных культурах и изменяющихся диахронически. Представляет интерес подход к изучению брани как непрямо́й агрессии, а также вывод о том, что при вербализации лжи не имеет значения «прямота/непрямота» выражения (статья В.И. Жельвиса *Культура и непристойность: проблемы взаимоотношений*). О коммуникативной этике и культурно-национальном опыте и традициях вербальной коммуникации свидетельствует идиоматика, содержащая информацию о самом процессе коммуникации, о речевых жанрах, о результате речевого воздействия, об участниках процесса общения. На основе анализа анализируемых идиом можно воссоздать представления русских о желательном и порицаемом в коммуникации (анализ идиом см. в статье Л.В. Балашовой *Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка*).

Вторая часть сборника *Прямая и непряма коммуникация* включает переводы статей зарубежных авторов. Несомненный интерес здесь представляет статья А. Вежбицкой *Культурная обусловленность категорий «прямота» vs «непрямота*. Данная работа продолжает начатый в первой части сборника теоретический спор о самих терминах *прямота* и *непрямота коммуникации*. По словам автора статьи, эти понятия часто используются в лингвистических описаниях так, «как будто не требуют объяснений», поэтому предлагается на время отказаться от использования этих ярлыков и попытаться исследовать отдельно разные, связанные с этими способами говорения. Исследовав природу непрямого выражения в американской, израильской, японской, греческой, яванской культурах, А. Вежбицкая приходит к выводу о существовании разного представления о понятии прямоты и правдивости (искренности) выражения у разных народов. Однако, будучи культурной и языковой универсалией, непрямота является принадлежностью самых разнообразных коммуникативных систем: «Хотя языки обеспечивают их носителей ясными, прямыми способами достижения коммуникативных целей, кажется, что в

повседневном общении говорящие предпочитают не прямые способы» (с. 149). Градация культурных особенностей прямого/ непрямого выражения в системе ценностей человеческой жизни дает возможность говорить о том, что не прямое общение в каком-то смысле сближает людей, прямая коммуникация, как в большей степени конвенциональная и социализированная, – разобщает. В то же время более прагматичный подход к жизни и стремление к достижению целей межличностного взаимодействия предопределяет необходимость использования прямых способов выражения, оптимальных в ситуациях решения производственных вопросов и принятия решения.

Перевод статьи М. Киты *Невыразимое, невыражаемое и невыраженное для носителей языка* позволяет познакомиться с одним из способов систематизации коммуникативных явлений разного статуса, происхождения и мотивации, которые объединяются тем, что связаны с опосредованным выражением. Это явления молчания, лжи, говорения непрямо. Проблема нехватки слов, с которой часто сталкивается наивный носитель языка, может иметь разную природу, но принцип, который охватывает все рассматриваемые случаи непрямого общения, автор выражает тезисом «о чем не говорят, о том говорят иначе...» (с. 169). Как и в отечественном языкознании, данная проблема здесь квалифицируется как крайне многоплановая, при решении которой выдвигается множество гипотез, часто противоречащих одна другой, однако значение и прагматическая ценность ее решения, как показывает данная статья, объединяет идеи ученых разных направлений и разных научных школ.

Перевод статьи Р.Д. Абрахамса *Особенности речевого общения афроамериканцев. Язык улицы*, написанной в 1974 г., показывает, что в контексте исследования проблемы не прямой коммуникации наблюдения и обобщения лингвистики прошлых лет вновь приобретают актуальность. Думается, что противопоставление языка евроамериканцев и Black English сегодня не дает ответов на поставленные лингвистические вопросы и понимается как сопоставление разновидностей функционирующего языка, предоставляющих разнообразный фактический материал, предназначенный для поиска обобщений. Особенно наглядным такой вывод становится после прочтения перевода статьи А. Вежбицкой, совершенно оправданно по-

мещенного редакторами сборника в начале раздела, а не в соответствии с хронологическим принципом.

Кульминацией сборника является, безусловно, третий раздел *Виды и жанры непрямо́й коммуникации*. Выделившись из контекста изучения жанровых типов речи, проблема непрямо́й коммуникации, как представляется, тем не менее по-прежнему ощущает себя наиболее уверенно именно в данной среде. Количество публикаций в этом разделе (15 работ), разнообразие тематики, широта материала и характер выводов явно подтверждают это. Внимания заслуживают статьи, предлагающие анализ разных видов эмоционального воздействия (К.Ф. Седов *Агрессия как вид речевого воздействия*, В.А. Салимовский *Любовь в речевом выражении*), а также стратегий и тактик речевой коммуникации (А.В. Олянич *Драматургия непрямого воздействия*, О.С. Иссерс *Тактики выведывания информации (когнитивный аспект)*, А.Г. Пospelова, Е.Н. Шустрова *Косвенные коммуникативные единицы, связанные с манипулированием и мистификацией*). Безусловную ценность для исследователей разных лингвистических направлений представляют статьи, разрабатывающие проблему типологии речевых жанров, выявления существенных характеристик непрямо́й коммуникации в применении к материалу конкретных речевых жанров, стилей (см. С.Н. Глотникова *Непрямо́е общение в беседе*, В.В. Фенина *Непрямо́я коммуникация в small talk*, Б.Ю. Норман *К анализу анекдота как жанра непрямо́й коммуникации*, В.А. Мишланов *Молитва как речевой жанр*, С. Дённингхаус *«Прямая» ли научная коммуникация?*). Как продолжение дискуссии о природе непрямо́й коммуникации, а также о ее культурной детерминированности, начатой в первых разделах книги, а также в приводимой выше работе А. Вежбицкой, можно рассматривать содержание статьи И.А. Стернина *Почему русский человек не любит светское общество?*. Ответ на поставленный вопрос связан с определением роли и характера коммуникативного поведения, принятых в русской культуре: искренности, эмоциональности, открытости, коммуникативного пессимизма, склонности к спорам и простоте общения, отрицания жестких ритуалов и даже в некоторой степени коммуникативных условностей, низкого уровня тематической табуированности и т.д.

Тематика статей третьего раздела перекликается также с проблемой рассмотрения языковой природы непрямо́го выражения, на новом

материале демонстрируются глубинные языковые механизмы, используемые и развиваемые в процессе живого общения (Н.В. Орловой *Язык теоретической этики и язык «наивной» морали в аспекте проблемы прямых / косвенных языковых средств*, Г. Бендарека *Расширение понятийных и грамматических категорий [на материале современного польского языка]*).

Четвертый раздел книги *Непрямая коммуникация в фило- и онтогенезе*, как нам представляется, освещает проблему, которая с позиций исследования не прямой коммуникации только начинает изучаться. Статьи данного раздела (В.Я. Парсамова *Выбор речевого жанра как способ создания языковой личности*, О.Н. Дубровская *Речевое общение как источник пополнения системы имен сложных речевых событий*, И.Г. Овчинникова *Коммуникативное поведение мальчиков (по материалам записей рассказов «Frog where are you?»)*) последовательно развивают тематику сборника в новом ракурсе. Интересны в теоретическом и прикладном плане теоретические положения и выводы авторов данных статей: «расшатывание жанровых границ, стандартов и предпочтений» характерно для речевого поведения творческих, самобытных людей, это предпосылка изменения жанровых границ, а также формирования новых правил речевого воздействия, средств выразительности и – шире – языка (В.Я. Парсамова, с. 334), «социокультурные факторы активно влияют на формирование соответствующих форм речевого общения только в обыденной, бытовой, но и в профессиональной сфере (О.Н. Дубровская, с. 340), в коммуникативном поведении (в том числе детей) явно проявляются субъективные факторы: возрастные, гендерные, социально-психологические, когнитивные, и для антропологически ориентированной лингвистики актуальной задачей становится выявление каждой из характеристик на выбор коммуникативной стратегии (И.Г. Овчинникова, с. 340-341).

Изучение материалов сборника *«Прямая и не прямая коммуникация»* убеждает, что привычное представление о существовании коммуникации в ее прямой форме (не прямая коммуникация как аномалия, отступление от норм) – дань прошлому, сегодня речь идет о явном преобладании не прямых способов общения. Это перспективное направление исследования не только речи, но и языка, оно является теоретически зна-

чимым и практически необходимым, поскольку это лингвистика человека с его эмоциями, пристрастиями, ошибками...

Область изучения непрямой коммуникации, охарактеризованная в начале сборника как «клубок неразрешимых проблем», становится намного более системной и «прозрачной» в результате коллективного обсуждения поставленных вопросов. Первый опыт их коллективного обсуждения стал полезным во многих отношениях, в том числе в определении направления дальнейших публикаций на эту тему, которые, как представляется, будут приобретать более определенные черты и включаться в сборники, ориентированные на обсуждение отдельных, локальных вопросов столь широкой области лингвистического знания.

К нашим замечаниям по этому, несомненно, интересному для множества читателей сборника мы отнесли отсутствие его внимания к эмоциональному / эмотивному аспекту как прямой, так и непрямой коммуникации. Концепт эмоциональной категориальной ситуации (Shakhovskiy 2000) дает, как нам представляется, большие преимущества в анализе не прямой / косвенной коммуникации как художественных, так и реальных речевых партнеров. Маркерами репрезентации категориальной эмотивности являются высказывания в сфере фатической и других разновидностей (жанров) человеческого общения.

Тем не менее, солидный и авторитетный коллектив авторов, тщательное редактирование, прекрасная полиграфия делают рецензируемый сборник заметным явлением в отечественной и зарубежной коммуникативистике. Он с большим интересом уже принят научной общественностью. Сборник предназначен для лингвистов, преподавателей и студентов-филологов, однако, бесспорно, он окажется интересным широкому кругу читателей, вовлеченных в глобальный процесс коммуникации.

Литература

Гендер: язык, культура, коммуникация, Москва, 2001.

Дементьев В.В., 2000, *Непрямая коммуникация и ее жанры*, Саратов.

Иванцова О.В., 2002, *Факторы коммуникативного успеха в художественном диалоге: Автореф. дис.... канд. филол. н.*, Ульяновск.

- Ларина Т.В., 2003а, *Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах*, Москва.
- Ларина Т.В., 2003b, *Очерк английского коммуникативного поведения*, Воронеж. *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2003.
- Стернин И.А., 2001, *Введение в речевое воздействие*, Воронеж.
- Шаховский В.И., 2003, *Эмоции и коммуникативное игровое пространство языка. – Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс*, Москва.
- Shakhovsky V., 2000, *The Russian Language Personality and its Neologisms in Emotional Communicative Situations. – Imagination, Cognition and Personality: vol.19*, 2000. Yale Uni. USA

ВИКТОР И. ШАХОВСКИЙ, СВЕТЛАНА В. ИОНОВА

ДИМИТЪР ПОПОВ, *ФОНОСТИЛИСТИКА НА ДИСКУРСА*,
Шумен, Университетско издателство “Епископ Константин
Преславски”, 2004, 204 с.

В данной монографии впервые в болгарской лингвистике рассматривается супraseгментная фоностилика как самостоятельное научное направление. В книге описываются закономерности функционирования фонетических средств в устной речи, а также характерные особенности различных проявлений произношения в аспекте коннотативных и эмоционально-экспрессивных значений, передаваемых средствами просодии.

Работа состоит из *Предисловия*, пяти глав и *Заключения*, приведена также обширная библиография (около 300 заглавий).

В первой главе рассматривается сущность фоностилистики как науки, ее зарождение и развитие, формирование ее научных основ. Перечисляя первые теоретические источники, свидетельствующие о внимании к фоностилистике древнегреческих философов и риторов еще в конце V в. до н.э., автор прослеживает наиболее значительные труды, в которых содержатся наблюдения над звуками речи, воспринимаемые слушателем и отличающиеся специфической окрашенностью тембра. Автор выделяет те вопросы, которые находятся на стыке фонетики и стилистики и